



УДК 94(437)9/12

Город и монастырь в средневековой Чехии (X–XIII века)

А. Н. Галямичев

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии двух важнейших институтов средневекового общества – города и монастыря в Чехии X–XIII вв. Выявляются особенности этого взаимодействия в рамках указанного периода. Особое внимание уделяется XIII в., в течение которого чешское общество, в том числе город и церковь, претерпели существенные изменения, в результате которых политико-правовой и социально-экономический строй Чехии приблизился к западноевропейской модели средневекового развития.

Ключевые слова: средневековый город, монастырь, Чехия, монашеские ордена, немецкая колонизация.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Town and Monastery in Medieval Bohemia (X–XIII Centuries)

A. N. Galyamichev

Alexandr N. Galyamichev, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, galyamichev57@mail.ru

The article discusses the interaction of the two most important institutions of medieval society – the town and monastery in the Bohemia of X–XIII centuries, the peculiarities of this interaction during a specified period. Particular attention is paid to the XIII century, during which the Czech society, including the city and the Church, underwent significant changes, and the political, legal and socio-economic system of the Bohemia approached the Western European model of medieval development.

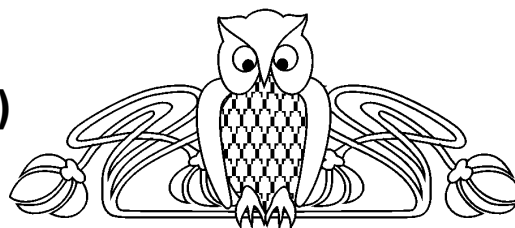
Keywords: medieval city, the monastery, Bohemia, monastic orders, German colonization.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-191-194>

Тема «Город и монастырь», предполагающая рассмотрение характера взаимодействия двух важнейших социальных институтов средневекового общества, позволяет взглянуть под своеобразным углом зрения на его историческое развитие¹



и, в частности, дает возможность более отчетливо проследить региональные особенности².

Анализ этого материала на примере средневековых городов Чехии позволяет внести новые штрихи в картину истории церкви и урбанизма.

Прежде всего следует отметить, что данные, имеющиеся в источниках, дают основание для вывода о более прочной связи города и монастыря в чешских землях по сравнению со странами Западной Европы.

Особенность развития средневековой Чехии состояла в том, что первоначально основывающиеся в стране монастыри были связаны исключительно с городами – центрами средневековой государственности. Женский монастырь св. Георгия на Пражском граде был основан одновременно с учреждением пражского епископства в 973 г., а его первой настоятельницей стала представительница княжеской династии Пржемысловичей, сестра князя Болеслава II Млада. Как повествует хронист Козьма Пражский, «когда Млада отправилась помолиться в Рим, она была радушно принята папой; проведя здесь некоторое время, она достаточно ознакомилась с монашескими уставами, и тогда в конце концов папа, по совету своих кардиналов, желая оказать благосклонно поддержку новой церкви, посвятил ее в сан аббатисы; он заменил ее имя на имя Марии и пожаловал ей устав св. Бенедикта и жезл игуменьи»³. В 993 г. был основан мужской Бржевовский монастырь неподалеку от Пражского града на правом берегу Влтавы⁴. Древнейшие монастыри Моравии также были теснейшим образом связаны с областными градами (Оломоуц, Райград)⁵.

Данное обстоятельство было, разумеется, закономерным. Дело в том, что княжеская власть выступала в качестве руководящей силы в процессе христианизации Чехии, на градах строились первые храмы (житие св. Вацлава повествует: «Во всех городах он построил очень красивые церкви. Божиим рабом он собрал ото всех народов. Всегда, во все дни совершалась служба Богу, как и у великих народов, заботами доброго и праведного владыки Вячеслава»⁶), а сельские местности, о чем красноречиво свидетельствуют первые опыты законодательной деятельности чешских правителей⁷, долгое время оставались во власти языческих представлений. Кроме того, чешская церковь, не располагая значительными земельными владениями, находилась на материальном обеспечении светской власти, включая предоставление духовенству необходимых продуктов



питания и ремесленных изделий. В учредительной грамоте Бржевновского монастыря было, например, записано: «Далее, я (т. е. князь Болеслав II. – А. Г.) установил, чтобы ежегодно в распоряжение вышеназванного монастыря пражский владарь, кто бы им ни был, предоставлял триста денариев, кусок воска для освещения этого монастыря, три бочки меда, тридцать сыров, десять хлебов»⁸.

В конце XI в. наметилось оживление деятельности монастырей в Чехии⁹. Оно сопровождалось приобретением монастырями земельных владений, создававших условия для постепенного ослабления их связи с городом и государством. Эта тенденция приобрела значительный импульс в начале 1140-х гг., когда в чешские земли пришли монахи двух основанных в конце XI – начале XII в. в странах Западной Европы орденов – премонстрантов и цистерцианцев.

Появление последних в чешских землях было вполне закономерным. В стране все более интенсивно разворачивался процесс внутренней колонизации (по оценке видного чешского историка Й. Жемлички, освоенные в течение XII в. земли составили 45 % всех земель, вовлеченных в хозяйственный оборот с древнейших времен до середины XIV в.¹⁰), и накопленный к тому времени на Западе этими орденами, внесшими большой вклад в хозяйственное освоение и технологическое развитие средневековой Европы, опыт мог быть успешно использован как на благо самих орденов, так и на благо Чехии.

Преюнкты и цистерцианцы активно включились в процесс освоения пустующих земель, каковых в Чехии середины XII в. было предостаточно. Бенедиктинцы стали приобретать первые земельные владения еще в предшествующий период. Об этом свидетельствует, например, учредительная грамота Градиштенского монастыря в Оломоуце от 3 февраля 1078 г.¹¹

Дополнительным стимулом развертывания деятельности новых монашеских орденов выступало то обстоятельство, что развертыванию внутренней колонизации в Чехии сопутствовал процесс становления частновладельческого поместья и имущественных отношений, что открывало перед орденами перспективы земельных приобретений как от княжеской власти, так и от представителей светской знати¹². Таким образом, в XII в. изначально неразрывная, но по мере упрочения позиций христианства и церкви в стране постепенно ослабевавшая связь монастыря и города в Чехии ушла в прошлое, хотя монастыри (в том числе новых орденов) оставались важным фактором жизни городских центров.

Как преюнкты, так и цистерцианцы, не ограничивались освоением лесов и пустошей, а строили свои монастыри и в городах. Так, главным центром преюнктов в Чехии стал Страговский монастырь, основанный в 1140–1143 гг. Владиславом II в непосредственном соседстве с Пражским градом¹³ и пользовавшийся особым по-

кровительством правителей. Название монастыря принято связывать со словом «стража», поскольку он был построен на месте заставы, охранявшей подступы к Пражскому граду с самой уязвимой, западной стороны.

Цистерцианцы же были известны как «горные монахи» – опытные рудознатоцы, о которых в средневековой Европе слагались легенды¹⁴, и первый основанный ими в Чехии монастырь в Седлеце (в 1143 г.) сыграл исключительно важную роль в истории добычи серебра в стране. Само название крупнейшего (с начала 1290-х гг.) центра горной добычи – Кутной Горы, расположенной в ближайшем соседстве с Седлецким монастырем, связано с преданиями об оставленной монахом-цистерцианцем Антонием на месте находки богатейшей серебряной жилы монашеской ряссы (kuta – рясса (старочеш.)).

Во второй половине XII в. в чешских землях обосновались представители духовно-рыцарского ордена иоаннитов (госпитальеров). Первая коммунда этого ордена была основана в Праге между 1158 и 1159 гг. возле моста через Влтаву¹⁵.

Приход духовно-рыцарских орденов в Чехию, как представляется, в значительной степени стал отражением происходившего во второй половине XII в. оживления городской жизни, внутренней и внешней торговли (свидетельством этого было само строительство в Праге каменного моста – второго, построенного в средневековой Европе к северу от Альп после моста через Дунай в Регенсбурге), поскольку с первых десятилетий своего существования они активно включились в систему торговых связей, неуклонно расширяя свое присутствие в важнейших центрах.

В начале XIII в. к иоаннитам присоединились тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена. Духовно-рыцарские ордена пользовались особым покровительством королевской власти, что во многом предопределялось внешнеполитическими задачами в условиях сложных взаимоотношений папства и империи.

XIII в. был отмечен стремительным ростом новых монастырских оснований в чешских землях. По подсчетам чешского исследователя Л. Йираско, из 184 монастырей, существовавших в чешских землях до 1306 г., 134 (72, 8 %) были основаны в течение XIII в.¹⁶. Это не было случайностью: XIII в. вошел в историю Чехии как столетие немецкой колонизации, которая сопровождалась проникновением и укоренением в Чехии западноевропейских правовых и культурных традиций.

Одной из важнейших перемен, которыми ознаменовался для Чехии XIII в., было оформление сословной структуры общества. В силу своеобразия местных условий формирование духовного сословия в чешских землях опережало формирование других сословий средневекового общества – бюргерского и рыцарского, а заложившая прочную основу сословных привилегий духовенства



грамота Пржемысла Оттокара I 1222 г.¹⁷ считается одной из важнейших вех чешской истории.

Следует отметить, что большинство новых монастырей было основано именно в городах. По подсчетам Л. Йираско, из 134 монастырей, возникших в чешских землях в 1222–1306 гг., 110 находилось в городах¹⁸. В годы правления Вацлава II (1283–1305), как отмечал выдающийся исследователь истории средневековой Праги В. В. Томек, только в столице Чехии насчитывалось 15 монастырей¹⁹.

В XIII в. свое присутствие в чешских землях, в том числе – городах расширили все существовавшие к его началу монашеские ордена. Но особенно быстро наращивали свою численность нищенствующие ордена, само появление и предназначение которых было связано с городами и проповеднической деятельностью в городской среде. По подсчетам того же Л. Йираско, количество монастырей нищенствующих орденов достигло к концу XIII в. 62, т. е. 62 % от общего количества монастырей, основанных в Чехии в 1222–1300 гг.²⁰

Но в XIII в. в Чехию пришли также и возникшие в самом его начале нищенствующие ордена, деятельность которых концентрировалась в городах. На их долю пришлось большинство городских монастырских оснований (62 из 110) в 1222–1300 гг., что было обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, нищенствующие ордена пользовались поддержкой как папства, так и королевской власти. Кроме того, они находились в тесном контакте с орденскими структурами за пределами Чехии.

Во-вторых, нищенствующие монахи приходили вместе с потоком немецких колонистов как его органическая составная часть, которая, в отличие от старых орденов, не была никак связана с местными традициями и воспроизводила на новом месте привычный для колонистов жизненный уклад, что составляло важное их преимущество сравнительно с другими орденами.

Нищенствующие и духовно-рыцарские (в 1222–1300 гг. количество их комменд в городах Чехии выросло на 22) ордена способствовали, таким образом, ускорению формирования в чешских землях новой модели городского строя, типологически родственной западноевропейской, где сложились как принесенные в Чехию в ходе немецкой колонизации традиции и институты городской жизни, так и сами монашеские ордена, не терявшие связи с материнскими монастырями.

В распределении монастырей по городам наблюдается следующая закономерность: чем больше город, тем выше в нем концентрация монашеских институтов. Это объясняется, по-видимому, тем, что в крупных городах в большей степени ощущалась потребность в благотворительной деятельности, которая составляла важнейшую задачу нищенствующих и духовно-рыцарских орденов.

Эта социальная функция монастырей в наибольшей степени проявилась во времена

«злых лет после гибели короля Пржемысла Оттокара II» – пяти лет (1278–1283) малолетства Вацлава II, отмеченных бесчинствами иноземцев, пришедших в страну вместе с регентом Оттоном Бранденбургским, стихийными бедствиями и жесточайшим голодом, когда в чешские города устремились в поисках спасения толпы голодных крестьян²¹.

Окончание череды бедствий «злых лет» в массовом сознании связывалось со смертью святой Анежки, сестры короля Вацлава I. К лику святых Анежка Чешская была причислена римско-католической церковью лишь в 1989 г., однако в чешских землях почиталась в качестве таковой еще при жизни. Она сыграла важную роль в продвижении нищенствующего монашества в Чехию: основала первый женский монастырь францисканского ордена к северу от Альп, переписывалась со св. Кларой, наконец, стояла у истоков создания первого из основанных в Чехии монашеских орденов – госпиталя при соборе св. Франциска, на основе которого в XV в. оформился орден крестоносцев с красной звездой²².

В целом утверждение нищенствующих орденов знаменовало собой существенное усиление роли монастырей в жизни средневековых городов Чехии, в том числе духовной и культурной, результатом чего стало укрепление общности духовной жизни Чехии и Запада. Монашеские ордена выступили в роли создателей первых готических храмов в Чехии²³, очагов развития школьного образования.

В заключение отметим, что в XIII в. взаимоотношения города и монастыря в чешских землях обрели еще одну новую грань: крупнейшие монастыри страны стали выступать в роли основателей городов и городских сеньоров. Характер взаимоотношений городов и монастырей стал приобретать новые оттенки, что свидетельствует о том, что на пороге XIV в. чешское общество вступало в новый период своего развития.

Примечания

- 1 См.: Усков Н. Ф. Монастырь и город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. М. : Наука, 1999. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. С. 284–312.
- 2 См.: Фрейденберг М. М. Монастырь в структуре средневекового далматинского города // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1980. С. 65–97.
- 3 Пражский Козьма. Чешская хроника / вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 64–65.
- 4 Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae (далее – CDB) : in VII t. Pragae : A. Wiesner, 1904. Т. I. № 375. P. 348.
- 5 Dějiny zemi Koruny české. Praha ; Litomyšl : «Paseka», 2003. D. I. S. 60.
- 6 Востокская легенда // Сказания о начале Чешского



- государства в древнерусской письменности / предисл., коммент. и пер. А. И. Рогова. М. : Наука, 1970. С. 53.
- ⁷ *Prameny k dějinám státu a práva v Československu* / ed. V. Vaneček. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1957. S. 30–31, 34–37.
- ⁸ CDB. T. I. № 375. P. 348.
- ⁹ *Machilek F. Církev a kultura (r. 800 – r. 1306) // Tisíc let česko-německých vztahů*. Praha : Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 1991. S. 38.
- ¹⁰ *Žemlička J. K charakteristice středověké kolonizace v Čechách // Československý časopis historický*. 1978. Roč. 26. S. 58–81.
- ¹¹ CDB. T. I. № 79. P. 82–85.
- ¹² *Graus F. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské*. Praha : Státní nakladatelství politické literatury, 1953. S. 231–232.
- ¹³ *Wýpisky z Vincentia, Gerlaca a j. // Fontes rerum Bohemicarum : in VIII t. Pragae : Nákladem Musea Království Českého*, 1874. T. II. P. 271.
- ¹⁴ См.: *Бакс К. Богатства земных недр*. М. : Прогресс, 1986. С. 178.
- ¹⁵ CDB. T. I. № 245. P. 215.
- ¹⁶ *Jirasko L. Kláštery ve městech v Čechách a na Moravě ve 13. století // Města v českých zemích v období feudalismu*. Praha : Ústav československých a světových dějin ČSAV, 1979. S. 143.
- ¹⁷ CDB. T. II. № 227. P. 211–212.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy : ve 3 díl*. Praha : nákladem Musea Království Českého, 1855. D. I. S. 413.
- ²⁰ *Jirasko L. Op. cit.* S. 145.
- ²¹ *Wyprawowání o zlých létech po smrti krále Přemysla Otakara II // Fontes rerum Bohemicarum : in VIII t. Pragae : nákladem Musea Království Českého*, 1874. T. II. P. 335–368.
- ²² *Soukupová H. Svatá Anežka Česká : Život a Legenda*. Praha : Vyšehrad, 2015.
- ²³ См.: *Пон И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века*. М. : Искусство, 1978. С. 92–96.

Образец для цитирования:

Галямичев А. Н. Город и монастырь в средневековой Чехии (X–XIII века) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 191–194. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-191-194>

Cite this article as:

Galyamichev A. N. The Town and Monastery in Medieval Bohemia (X–XIII Centuries). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 191–194 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-191-194>